

Владимир Мазаев
Смятение песчинок...

// Огни Кузбасса. – 2003. – № 3/4. – С. 159.

Как поэт, прекрасный лирик, романтик, Игорь Киселёв живёт в моей памяти прежде всего двумя строгими принципами. Их он придерживался не в словесных дискуссиях, а в своих стихах. Первый – что сила поэзии не столько в пресловутом знании жизни (знающих жизнь – море), сколько в воображении (в умении мыслить образами). Второй – редкостные, загогулистые слова ищет тот, кто пытается говорить о чувствах, которых не испытывает. Примерно так. Именно такие поэты, как Игорь Киселёв, создавали и создают сегодня силовое поле нашей поэзии.

С ним мы однажды прожили памятную мне неделю на знакомой таёжной пасеке в предгорьях кузнецкого Алатау. Стояли золотые дни сентябрьского лета. Тайга купалась в радуге красок. Я ведь бывал здесь и прежде, вроде пригляделся уж. Игорь же, напротив, смотрел на всё, изнемогая от эмоций. То увидит голубой отлив кедрача. То услышит лиловую тишину гор по горизонту. Вдруг заметил: белка спускается по дереву, изящно кружась вокруг ствола. Остановился, шепчет: «Я разгадал, это она обеспечивает себе кругозор безопасности!» – и сам радуется, как мальчишка.

А то ещё – ушёл к ручью с ведёрком воды принести, долго что-то не было. Спрашиваю: что случилось? Ответ помню до сих пор: «Изучал смятение песчинок на струе за камешком!» – Ну, а вода-то где? – Он растерянно качнул пустое ведёрко и, смущённый, – снова к ручью.

Моя главная задача на пасеке была добыть на ужин пару рябчиков, а Игореву – натопить к вечеру баньку. Парились мы в ней каждый божий день. Возвращаюсь как-то без добычи, вижу на макушку пихты сел круглоголовый дятел. И я непроизвольно, движимый тёмным каким-то рудиментом (разбуженным неудачной охотой, что ли?), приостановился и выстрелил. Было метров сто пятьдесят, не меньше, попасть малокалиберной пулей в такую мелкую цель, да ещё навскидку, практически невозможно. Но сработал закон подлости. Остывший от лихого выстрела, стоял я потом над мёртвой птицей и спрашивал себя тупо: чёрт побери, зачем?..

Вечером, разомлевший на банном полке, признался в этом Игорю, ну вроде покался. Мне казалось, «покаяние» моё он пропустил мимо ушей... Через год у него вышел сборник «Ночные реки». В нём обнаружил я стих «Дятел» (мне он его не читал, даже не показывал). Я поразился тому, как жалкая моя, вскользь брошенная сквозь банное облако фраза о загубленном дятле дала толчок стихам, где придуманные детали, «подробности» закрубились вдруг (выражаясь нонешним языком) аурой невыдуманных и столь пронзительно-щемящих чувств.

И, как водится, ни одного «редкостного» слова, языкового выверта.

*...и с тех пор — скажи на милость! —
тяжкий груз в душе несу,
будто что-то изменилось
в этом сумрачном лесу.
На рассвете, на закате ль,
иль в полдневной синеве —
все я вижу: бьется дятел
на испуганной траве...*

Теперь могу признаться, это истинная правда.

А было-то вроде всего ничего – лихой выстрел, запоздалое сожаление...